— Учитель, — юноша бросил лисицу к своим ногам и сложил руки в поклоне. — Я поймал эту тварь.

— Мм, — восседавший на главном месте в великом зале даос в одеждах цвета цианьшунь услышал его, открыл глаза и негромко позвал: — Сюда.

Белая лиса оторвалась от земли и медленно поплыла к старику.

Старец немолчно, со вниманием разглядывал белую лисицу. Её шкурка и впрямь была ослепительно белой и безупречной, переливающейся живым блеском.

Маленькая лисица без страха встретилась взглядом с глубокими глазами старика. Волосы и борода старца были совершенно седыми, однако вид он имел бодрый и цветущий. Просторные даосские одежды плотно облегали его фигуру, не создавая ни малейшего впечатления излишества. Вдохе и выдохе старика уже не ощущалось мирской грязи — пожалуй, не со дня на день его ждало вознесение.

— Похожа, очень похожа.

Внимательно осмотрев зверя добрую половину дня, старец перевёл взгляд на недоумённый лик ученика и удовлетворённо пояснил:

— Моё вознесение не за горами, и являться в Небесный Двор с пустыми руками никак нельзя. Прежний прародитель, что вознёсся в былые времена, посылал мне вещий сон: сам Юаньцзу Сюаньцзу Небесного Мира разыскивает белую лисицу. Вот уже три тысячи лет любые младшие небожители, вознесшиеся из смертного мира, обязательно ловят белую лисицу в качестве дара к вознесению. Эта лисица и сложена ладно, и мастью вышла в самый раз — как раз возьму её с собой наверх.

— Учитель собрался возноситься? — с радостью спросил юноша.

— Верно, — старый даос кивнул. — Впредь твои дядя-наставник станет управлять Юньанем, а ты помогай ему как следует. Смотри не вздумай заводить лисиц и попусту тратить время на утехи, теряя волю к постижению Пути.

С этими словами он покосился на зависшую в полувоздухе и ничего не понимающую маленькую лисицу.

— Ладно, запри лису, покорми её, смотри не мори голодом, чтобы не исхудала.

— Слушаюсь, ученик повинуется приказу.

Старик взмахнул рукой, и лиса, описав в воздухе дугу, плавно опустилась к ногам юноши в белом. Юноша сложил руки в прощальном поклоне, после чего, подхватив лисицу, удалился.Воспользовавшись лунным светом, юноша вернулся в свою спальню и привычно нацепил на лисицу собачью цепь, купленную у подножия горы.

—...

Белая лисица бессловесно уселась рядом, наблюдая, как юноша извлек из висевшего на поясе Мешка Цянькунь запретный на горе предмет — запеченную курицу.

—!

У маленькой лисицы загорелись глаза, она не моргая уставилась на зажатую в руке юноши курицу. Ее черные круглые глаза сверкали, а во рту уже выделилась слюна.

Юноша откусил большой кусок от сочного куриного бедра, смачно причмокивая во время еды. Манера есть у него была, по правде говоря, не слишком красивой, да еще и шумной. Белая лисица подумала, что он совсем не похож на благопристойного даоса, культивирующего бессмертие. В таком виде он казался совершенно другим человеком по сравнению с тем, кто только что ловил ее с помощью меча.

— Тц, только остыла немного, а на вкус все равно неплохо… — бормотал юноша сам с собой, время от времени отпуская комментарии.

— Я! Я! Раз она остыла, отдай ее мне! — наконец подала голос маленькая лисица, сглотнув слюну. — Если ты съешь холодное, у тебя живот заболеть может, а я не боюсь!

— Ах ты прожорливый ёкай, — вытерев рот платком, произнес юноша. — Наворовала столько пилюль, продала их, накупила еды и мне даже не оставила, а еще хватает совести просить?

— Я закопала тебе кости!

— Почему сама их не ешь? Кыш отсюда.

Юноша, хоть и говорил жестко, обладал мягким сердцем. Заметив блеск слез на дне лисьих глаз, он скрепя сердце оторвал второе куриное бедро и бросил его в сторону.

Маленькая лисица одним прыжком поймала угощение и принялась грызть его, припав к земле.

— Сяобай, скажи мне, почему Учитель, отправляясь на вознесение, должен брать с собой подарки? Неужели на небесах всё так же, как в мире смертных? — недоуменно спросил юноша, после чего опустил голову и откусил еще кусок мяса.— Откуда мне знать… — пробормотала Лисица, торопливо проглатывая только что откушенный кусок мяса. — Я ведь всего лишь маленькая лисица, которая приняла человеческий облик совсем недавно.

— Лисы обретают облик через тысячу лет, как у тебя хватает совести называть себя маленькой?

Юноша немного подумал и добавил:

— Но всё же, раз ты смогла пройти сквозь горные массивы и обмануть моего учителя, значит, у тебя есть определенные способности.

— Правда? — Лисица, доев куриную ножку и несколько раз облизав кость, прищурилась. — Тогда дай мне еще чего-нибудь поесть!

— ! — Юноша с раздражением бросил на неё взгляд. — Только о еде и думаешь, никакой гордости.

— Я лишь хочу жить в своё удовольствие и не заботиться о завтрашнем дне. Это не то, что вы — вечно культивируете, мечтаете вознестись и стать бессмертными. Игнорируете столько изысканных вин и яств, ведете себя так, будто вам чужды желания. — Сказав это, она покосилась на Юнь И и на оставшуюся у него в руках половину жареной курицы. — Прости, я перегнула палку.

— Кто это сказал! — Юнь И поднялся, чтобы возразить. — Я тоже хочу вознестись и стать бессмертным!

— Культиваторы живут тысячу лет, но это лишь краткий миг по меркам смертных. Говорят, день на небесах равен году на земле. Если станешь бессмертным, обретешь вечную жизнь и сможешь странствовать по Трём Мирам, разве это не лучше, чем всего лишь жалкая тысяча лет в мире людей?

С этими словами он бросил оставшуюся половину курицы маленькой Лисице, а сам отошел привести себя в порядок и подготовиться к ночной медитации.

— Благодарю. — Лисица как раз этого и добивалась. Она обняла кусок курицы и принялась уплетать его, совсем не брезгуя.

Если бы сейчас здесь было немного вина Чжуецин из городка у подножия горы, было бы еще лучше… — размышляла Лисица, жуя и не обращая никакого внимания на то, что белая шерсть вокруг пасти слиплась от жира и заблестела.

Небесный Двор, Девять Небес, Пурпурные Чертоги, обитель Юаньцзу Сюаньцзу.

Куда ни глянь — повсюду ступени из белого нефрита, колонны из золота, черепица из глазури и окна из хрусталя. Потоки золотого света переливались алыми отблесками, а добрые предзнаменования клубились фиолетовым туманом. Среди этого великолепия возвышались яшмовые дворцы и жемчужные терема, которых не сыскать в мире смертных, но которые всегда были в Небесном Мире.

— Преподобная, — осторожно обратился Бессмертный Служитель снаружи Зала Ханьгуан. — Владыка Пещеры Байюнь, распоряжающийся в этом году празднеством в честь вознесения, получил в дар много белых лис от новоиспеченных Сяосянь. Он велел отправить их в вашу резиденцию в нижнем мире, там их и содержат.

— Похоже, Бай Ин теперь совсем не прислушивается к моим словам.

Холодный и чистый голос донесся изнутри зала. Служитель, стоявший за дверью, поспешно и почтительно поклонился. Хотя внутри его не видели, он сохранял предельную искренность:

— Преподобная, не гневайтесь. Бессмертный Владыка сделал это ради вас. Если вам это не по нраву, я сейчас же прикажу их вернуть.

— Довольно. Я закончу дела в Небесном Мире и вернусь в Западную Чуань, в Затянь.

Голос снова прозвучал — словно чистый ручей, бегущий по камням, или весенний лед, начавший таять. Холод в её словах заметно отступил.

— Ступай лично и отправь всех этих земных лис на старые земли Цинцю.

— Слушаюсь, Преподобная. — Бессмертный Служитель принял приказ и удалился.

Главный зал был пуст, в нём стояло лишь несколько простых сидений. В восточном крыле было полно драгоценностей и редкостей, но из-за того, что их долго не протирали, они утратили свой блеск. В Небесном Мире, конечно, нет пыли, но если вещами не пользоваться и не протирать их, они тускнеют.

Западное крыло служило кабинетом и опочивальней. Внутри свисали полога из парчи, украшенные золотыми кистями — сразу было видно, что это работа Ткачихи.

http://bllate.org/book/33608/4130708